

Гибридная война. Облик и палитра вооруженных конфликтов в XXI веке

УДК 327.5:159.9

Понятие «гибридная война» приобрело актуальность и известность после присоединения Крыма к России, военных действий на Донбассе, нарастающих турбулентностей, связанных с феноменом Исламского государства. Эти события существенно повлияли на концепцию современной войны, стратегии безопасности, объединив инструментарий из арсеналов конвенциональных, партизанских, кибернетических, информационных войн. Доклад был представлен на специальном мероприятии «Гибридная война. Облики и пространства вооруженных конфликтов в XXI веке» на XXV Экономическом форуме в Польше.

Ключевые слова

Гибридная война, безопасность, военная теория, стратегия, конфликты, кризис, черные лебеди, управление, самоорганизация, сложный мир, аналитика, будущее.

Автор

Неклесса Александр Иванович — руководитель группы ИНТЕЛПРОС («Интеллектуальная Россия»), заведующий лабораторией «Север — Юг» ИАФР РАН.

Статья написана на основе выступления на XXV Экономическом форуме (8–10 сентября 2015 г., г. Креница-Збруй, Польша).

Ощущение возможной реальности следует ставить выше ощущения реальных возможностей.

Роберт Музиль

Культура, пытаясь воплотить гармонию и взнудать хаос, способствует просветлению мысли и нормотворчеству, облегчающему экзистенцию. Война обнажает трагизм жизни, погружая в серьезность, риск и ответственность. Диверсанты, переодетые в гражданскую одежду, когда-то считались отбросами войны, преступившими ее суровые законы, провоцируя к тому же репрессии против населения; их предавали позорной казни. А зазубренный меч во времена Средневековья был основани-

ем для казни на поле боя. Война содержит злой парадокс — это опровержение цивилизации, пена отчаяния — отлив, приоткрывающий людское дно, питаемая человеческими жертвами антиистория... Но одновременно война и сопутствующие ей обстоятельства — могучий стимул технического прогресса. Что же такое развитие военных искусств и модернизация оружия: легитимное зло, хирургическая операция, доблестный порок или скрипящая ступень эволюции?

Война и мир обретают новый статус

Мы живем «в эпоху перемен», но, кажется, частое повторение тезиса стирает остроту со-

держания. Наш опыт — социокультурный, экономический, военно-политический — связан с доиндустриальной и индустриальной эпохой. И — несмотря на обилие в новейшей истории разного рода революций — с иной скоростью социального времени. Где-то начиная с последней трети XX в. время в человеческом космосе ускоряется, разночтения множатся, мир обретает новый статус, который сейчас проще определить как «сложный мир». Оpozнание, осознание изменившихся обстоятельств отстает от реальности — как результат, мы попадаем в ловушки неточных карт и дефицита имен для нахлынувшей новизны.

Понятие «гибридная война» в последнее время широко распространилось, стало актуальным и даже модным, хотя само явление, по крайней мере в некоторых своих аспектах, не столь новое. В основе же феномена — трансформация институтов общества индустриального при транзите к постиндустриальному статусу, определяющее качество которого — комплексный, сложный, гибридный характер. Наш опыт — социокультурный, экономический, военно-политический — связан с прошлыми эпохами, сложный мир предполагает смену типа рефлексии, обновление сложившихся институтов и прописей познания-действия. Кроме того, сложному обществу требуется сложный субъект, способный к быстрому анализу и комплексному действию.

Сложный мир воплощает сегодня не только высокие промышленные технологии, но и новые социоконструкты. В XX в. цивилизация попыталась реализовать три исторических проекта, менявших сложившиеся формулы:

а) *мироустройства* — универсализация системы национальных государств;

б) *экономики* — формирование глобального свободного рынка; в) *безопасности* — делигитимация войн в системе международных отношений.

Деконструкция континентальных и морских империй, происходившая в прошлом веке, сопровождалась формированием национальных государств (*nation-building*), суверенитет в которых переходил к политической нации. Корни этого уходят к особенностям понимания в европейской культуре досто-

лением народов и конфликтом цивилизаций. Рифом же на пути к глобальной безопасности, но и могучим инновационным стимулом несколько парадоксальным образом оказался ядерный фактор. Парадоксальным, поскольку ядерная угроза стала как раз препонами на пути развязывания мировой «горячей» войны. Однако наличие ядерного оружия в распоряжении весьма разных субъектов мирового сообщества явилось в конце концов препятствием для завершения проекта.

и активных мероприятий при формальном неучастии либо ограниченном участии регулярных вооруженных сил с той или другой стороны. Кроме того, отлаживалось манипулирование общественным мнением и экспертными суждениями, множились формы и способы подрывных коррупционных акций и диффамационных схем.

Усложнение пространства военных операций

Гибридные, сетевые, нелинейные, ползучие войны, мятеж-войны, прокси-войны, дисперсные паравойны с участием обезличенных войск, криптоармий, частных военных и разведывательных корпораций, эскадронов смерти, инсургентов, добровольцев, наемников, комбатантов неопределенного генезиса становятся сегодня горячей темой, но это не означает, что феномен не был своевременно замечен и осмыслен. «В условиях начавшейся войны всех против всех следует ожидать возникновения многослойной всепланетарной системы, состоящей из национальных и религиозных, классовых и возрастных структур уничтожения людей. В наше время неприменима прежняя классификация войн: мировая, региональная, локальная и вооруженный конфликт. Война теперь другая: для уничтожения противника широко используются не прямые действия, информационное противоборство, участие наряду с регулярными также нерегулярных вооруженных формирований», — писал более полувека назад профессор военных наук, последний начальник штаба Корниловской дивизии Евгений Месснер¹.

Государства (генеральные субъекты) вели войны по определенным стандартам, предполагавшим автономию гражданской и военной деятельности. Война со временем стала индустриаль-

Война теперь другая: для уничтожения противника широко используются не прямые действия, информационное противоборство, участие наряду с регулярными также нерегулярных вооруженных формирований.

инства и прав человека. Отмена таможенных границ вела к образованию глобального рынка товаров, услуг, капиталов как трамплина интенсификации и самоорганизации экономической практики. Стремление утвердить режим международной безопасности подрывало легитимность войн, что должно было обеспечиваться коллективной волей наций и сопровождаться процессом разоружения или ограничения вооружений. Совокупность же всех трех проектов представляла модель нового мира, а ее реализация мыслилась апофеозом и концом истории.

Замысел, однако, столкнулся с серьезными препонами: революция масс трансформировала суверенитет нации в управляемый ее частью (партией) авторитарный либо тоталитарный этатизм, деколонизация проявила серьезное различие ценностных ориентиров и глубокую социальную неоднородность глобального сообщества, чреватую инволюцией культур, пересе-

Между тем ядерный *stumble block* инициировал поиск нестандартных решений в сфере безопасности, породив, в частности, феномен холодной войны, а в числе иных инноваций создавал и совершенствовал косвенные, ползучие, локальные и гибридные формы военных действий.

Холодная война — трансъядерная, то есть ее сценарии учитывали возможность применения ракетно-ядерных вооружений, но строились таким образом, чтобы избежать смертельно опасной ситуации. Наличие «оружия Судного дня» предопределило поиск инновационных прямых и косвенных средств господства. Новый тип силового противостояния носил диверсифицированный характер. Он включал в себя смешанные формы силовых, агрессивных действий, реализованных на планете распределенное множество локальных («африканских») войн и ползучих конфликтов. Развивались технологии деструктивных операций

ным феноменом, сформировались военные (боевые) комплексы, оснащенные высокотехнологичным инструментарием, профессиональные кадры действовали в соответствии с уставами, развивалась логистика все более масштабных операций. Бюрократия занималась регламентацией этих предприятий, заключались международные соглашения, подписывались женеvские конвенции и т.п.

Конечно, множились отклонения от эталона, прежде всего в ситуациях транзита, чаще — революций, а в глобальном масштабе — при столкновении идеологий и культур либо резкой асимметрии сил. Наиболее распространенные девиации — партизанские действия, скрытое участие иностранных войск и наемников, терроризм, масштабное проведение сопутствующих (небоевых) операций. Черты гибридности мы видим практически во всех локальных вооруженных конфликтах XX в.: смешение субъектов действия, участие войск регулярных, иррегулярных, иностранных, явных и закамуфлированных, герилья, гражданских лиц, совмещение психологических, финансовых,

информационно-пропагандистских мероприятий, демонстрационных действий, провокаций, различных форм саботажа, экономической фрустрации противника, диверсий.

Вектор трансформации военных операций после Второй мировой войны — история людских трагедий от Корейской войны до коллизий, связанных с генезисом Исламского государства. И разрастание симбиотической войны с терроризмом. Корейская война включала в себя помимо боевых действий между Севером и Югом прямое, но публично не декларируемое столкновение вооруженных сил СССР и США (а позже и неофициальное участие китайских войск). Между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции велась ожесточенная воздушная война с сотнями сбитых самолетов и многочисленными жертвами кадровых военных как с советской, так и американской стороны. Однако участие в трехлетней корейской кампании было признано в СССР лишь в 60-е годы, а в США эта война имела юридический статус... «полицейской операции».

Следующим полигоном был Вьетнам, также продемонстрировавший неформализованное участие регулярных вооруженных сил: северовьетнамских на территории Южного Вьетнама и советских «военных советников» на территории Северного. Новацией же стало «наступление Тет» в феврале 1968 г., психологический эффект которого продемонстрировал, что в изменившихся условиях войны могут выигрывать не только за счет прямого силового превосходства. Одновременный самоубийственный удар всеми имевшимися в распоряжении Вьетконга силами стал психологическим шоком не только для американских войск, но через посредство СМИ и для всего населения далекой страны.

С течением времени масштаб локальных конфликтов снижался, но их общее число росло. Возрастало также их типологическое разнообразие, множились тактические и стратегические новации, складывался новый феномен — полисубъектная «война террора», использующая все более изощренные методы и современные технологии. В Африке распространялись американо-советские прокси-войны, на Ближнем Востоке новой формой противостояния стала интифада, а в наши дни горячие точки планеты — это Донбасс, Сирия, Исламское государство (группировка, деятельность которой в России запрещена. — *Примеч. ред.*).

Исламское государство — новый феномен, значение которого быстро возрастает. Это уже не разветвленная подпольная организация, наподобие «Аль-Каиды», но распределенное множество де-факто легальных самоуправляемых территорий, подчиненных единому центру, эклектические союзы *pro et contra*, переселение миллионов, «невидимые бригады», рассредоточенные в различных точках планеты...

Это также предчувствие «катастрофического терроризма» — ситуации, чреватой культур-шоком: возможностью уничтожения объектов культурного наследия и цивилизационной памяти не только на Ближнем Востоке, как в Пальмире или Мосуле, а непосредственно в сердце Европы в русле стратегии сокрушения духа врага, то есть деструкции национальных, культурных, религиозных символов современной цивилизации. При всем значении древних артефактов Лувр или Сикстинская капелла значат для современного человека неизмеримо больше.

Но агрессивные действия сегодня могут реализовываться не только в физическом измерении, а также в финансовых, информационных, коммуникационных сетях, вестись с помощью экономических угроз, кибератак, радиоэлектронных манипуляций, инновационных управленческих методов и психологических инструментов, применяемых в интеллектуальных, творческих, антропологических средах. Рождается, таким образом, феномен расплывчатых, диффузных, асимметричных войн, то есть происходит радикальная модификация силовых акций и методов боевых действий, смещение культурных и пересечение пространствен-

ных границ, слияние субъектов и объектов операций. Множественность версий событий и способов их интерпретации нарушает внятность мировой картины.

Постсовременная война — комплексная и обезличенная. Она может также оказаться демонстрационным действием, то есть сопутствующим элементом более сложной стратегии, преследующей иные, нежели заявленные, цели. Полный же сценарий подразумевает опосредованные и неявные продвижения в желаемом направлении. Другими словами, обстоятельства видимой части конфликта могут быть искаженным и фальсифицированным маневром, а сам он может развиваться по скрытому плану параллельно с трансляцией симулякра как мирных, так и brutальных композиций, представляя в технологичной или неоархаичной упаковке лукавый спектакль эпохи постмодерна. Моделируя предельные ситуации, отчасти с акцентом на будущее, можно, образно говоря, победить страну, а она либо внезапно очнется, либо об этом узнает «только на следующий день».

Существует много дефиниций гибридной войны, разные авторитеты определяют ее по-

своему. Вот характерное мнение Валерия Герасимова, начальника Генштаба России: «В XXI веке наметилась тенденция к стиранию границ между миром и войной. Войны уже не объявляются официально и больше не следуют установленным правилам». В сухом остатке постсовременный силовой конфликт — это сумма неопределенных по принадлежности агрессивных, силовых акций, расширяющих возможности конвенциональной политики и применяемых для деконструкции нежелательных обстоятельств, подчинения либо уничтожения противника.

Гибридная война — динамичная, подвижная категория, которая имеет несколько существенных, но несовпадающих обликов и формул реализации. Подчас она оказывается своеобразным субститутом и амортизатором использования регулярных вооруженных сил (боевых средств) в полном объеме, однако этот тезис двусмыслен, а его реализация асимметрична. Тут многое зависит от достигнутого тем или иным субъектом уровня сложно-

сти, наличия финансовой и когнитивной мускулатуры.

Индустриальные и постиндустриальные страны различным образом реализуют идею синтетической войны. Различие наблюдается и в качестве используемых средств, включая новейшие военные технологии (*eg.* рои мини-дронов), и в асимметрии возможностей использования невоенных инструментов. Собственно говоря, наблюдаются как минимум два регистра гибридных операций: доминантно-боевых и доминантно-гражданских, то есть у каждой технологической страны своя навигация доминирования, причем возможности более сложного субъекта находятся вне компетенции другого.

- Гибридная война сдерживает и расплывает вооруженные силы противника, ориентированного на прежние методы военных операций, зажатого низким уровнем экономического и технологического развития, узостью интеллектуального кругозора, рамками доступного ему контекста,

Агрессивные действия сегодня могут реализовываться не только в физическом измерении, а также в финансовых, информационных, коммуникационных сетях, вестись с помощью экономических угроз, кибератак, радиоэлектронных манипуляций, инновационных управленческих методов и психологических инструментов.

внешних и внутренних рестрикций. Ее неофициальность, вроде бы расширяя спектр возможностей в одном направлении, подчас существенно ограничивает и затрудняет свободу действия в других, снижая, к примеру, эффект от применения собственно военных сил и средств.

- Гибкое же использование гражданских средств — экономических, финансовых, информационных, доступных развитию соционполитическому организму, позволяет достигать критические цели иными способами, нежели традиционные формы использования войск или даже прямая угроза их применения.

Важный рубеж — изменение соотношения между собственно боевыми действиями и прочими операциями, актуализация паравоенных механизмов подавления противника, использование гражданских средств господства. Кроме того, ряд функций и задач могут передаваться различным контрагентам на аутсорсинг.

Интеллектуальный императив

Деструктивные новации гибридной войны — следствие транзита мировой ситуации, осознания ее открывшихся особенностей и освоения арсенала возможностей в условиях, когда прежние категории и регуляции утрачивают релевантность эпохе.

Сегодня мы наблюдаем трансформацию категории безопасности и коррекцию института войны как процесса массивной индустриальной деструкции. Природа постсовременного конфликта неформальная, синтетическая, распределенная, дискретная. Для достижения важных, но неприемлемых для оппонентов целей координируются различные действия в широком диапазоне, включая военные компоненты, но используемые преимущественно косвенным образом при сохранении сложившейся оболочки внешних связей.

Постсовременные войны софистицированы — они имеют сложную природу, противник может не объявлять о военных намерениях, интегрируя в многообразных комбинациях не только широкий спектр средств, но и несовпадающие цели различных субъектов. Иначе говоря, «вместо отдельных врагов, использующих разные методы войны — традиционные, нерегулярные или террористические, — мы можем столкнуться с противником, который будет применять все формы и тактики войны одновременно» (Френсис Хоффман). Более того, появляется возможность искушать оппонента мультипликацией прокси-персонажей, смешением горизонтов, смещением намечаемых рубежей.

Растет значение нетривиальных сценариев и активов. Вместо сосредоточенности на наращивании боевых потерь врага, разрушении его индустриальных объектов — стремление к захвату информационной и психологической инициативы, организация замешательства и конфликта в кругу лиц, принимающих решения, подавление их воли, подведение к принятию неверных критических решений. И одновременно преадаптация к изменению условий игры, эффективная координация межведомственных усилий, управление графиком событий, подвижный властно-правовой консенсус, использование псевдогражданских и других неформальных инициатив, наличие и демонстрация моральной силы.

Это также использование высокотехнологических интеллектуальных систем, радиоэлектронных, кибернетических, информационно-психологических средств и техник, венчурный поиск способов метаполитической агрессии (то есть выходящей за рамки конвенциональной политики) как следствие манипуляций в облачном пространстве между наличным правом и его интерпретациями. И одновременно процесс овладения инструментами, технологиями с высокой результативностью, но доступных различным, в том

Постсовременный конфликт отчасти сопоставим с религиозно или идеологически мотивированными конфликтами либо концептуалистикой «тотальной войны» прошлого века.

числе негосударственным субъектам, включая гражданских лиц.

Вовлечение невоенных лиц и организаций в процедуры гибридных конфликтов ведет к пересмотру законов войны. Так, сегодня существенно меняется статус средств информации в целом и военкоров в частности. Коррекция включает юридическое переоформление круга законных целей, статуса комбатантов, переосмысление состава привилегированных и непривилегированных страт. К последним начинают относить военных корреспондентов, дистанционных операторов, находящихся на территориях других стран, руководителей операций двойного назначения, *etc.*

В своей основе война — это сверхусилие, энергия деконструкции, направленная во внешний мир. Постсовременная война — отражение переизбытка инициатив, следствие кризиса коммуникации, падение роли универсальных между-

народных организаций («мыльный пузырь мирового сообщества»), информационного и технологического взрыва. Калейдоскоп ситуаций меняет методологию управления конфликтами, формулируются инновационные методы анализа и действия: матричный, рефлексивный, точечный, аттрактивный (рефлекторный мультипликатор), синергийный (неклассический оператор). Системы становятся многофакторными, многоаспектными, сверхсложными, управлять ими эффективнее извне, то есть косвенным образом, точнее, комплексно сочетая прямые и косвенные меры.

При всем том парадоксальная черта постсовременных войн — возврат к особенностям и характеристикам войн позднефеодальной Европы, сопровождавшихся не столько боевой, сколько интенсивной переговорной, закулисной активностью сторон (см. опыт самой знаменитой — Столетней войны). Война не доводилась до, казалось бы, логического конца — тотального разгрома противника, «зависала» на продолжительные периоды, не завершаясь явной победой или капитуляцией, и порою могла развиться без четкой фиксации итогов. С другой стороны, постсовременный конфликт отчасти сопоставим с религиозно или идеологически мотивированными конфликтами либо концептуалистикой «тотальной войны» прошлого века.

Усложнение пространства операций в XXI в. властно указывает на императив интеллекта и ши-

рокую проблематизацию самой темы. Характер войн оказывается в прямой зависимости от уровня социального развития и типа политической организации, антропологических возможностей, технического совершенства. В условиях трансформации миропорядка и режима глобальной критичности заметно меняется понимание доминирования, инструментов господства, способов проекции силы с целью победить в сложном мире. Господство реализует себя в управлении: общий контроль над ситуацией и культурная оккупация замещают оккупацию территорий.

Военные интерпретации соперничества трагически обостряют наше чувство реальности. Взаимодействие с экстремальными обстоятельствами способствует переосмыслению экзистенциального статуса, провоцирует социальные и технологические инициативы, стимулирует лидерство в прорыве прежнего горизонта. Обновленная тотальность постсовременного конфликта, обретая недоступные ранее технологическое могущество и интеллектуальное мастерство, выходит за рамки собственно боевых операций, создавая новое социальное пространство перманентного действия. Идея перманентной войны обостряет оскомину перманентной

революции, реализуя ее изнанку. На освобождаемых от прежних норм социополитических подмостках разыгрывается вселенский спектакль «ни мира, ни войны», в котором тенденция доминирует над фактом, процессуальность над феноменологией, а театр гибридных операций постепенно обретает глобальные пропорции².

ПЭС 15114/22.09.2015

Примечания

1. «Война издревле удары оружием по телу врага подкрепляла ударами по его психике. <... > Будущее окажется весьма революционным в дни Третьей Всемирной. Уже и сейчас классическая дипломатия частично вытеснена агрессивно-дипломатией с ее переворотческими действиями. <...> В таких полувойнах воюют партизанами, „добровольцами“, подпольщиками, террористами, диверсантами, массовыми вредителями, саботажниками, пропагандистами в стане врага и радиопропагандистами... в эпоху великого смятения душ война может легко приобрести форму мятежевойны. <...> В прежних войнах важным почиталось завоевание территории. Впредь важнейшим будет почитаться завоевание душ во враждующем государстве. В минувшую войну линия фронта, разделяющая врагов, была расплывчатой там, где партизаны в тылах той или иной стороны стирали ее. В будущей вой-

не воевать будут не на линии, а на всей поверхности территорий обоих противников, потому что позади окружного фронта возникнут фронты политический, социальный, экономический; воевать будут не на двумерной поверхности, как встарь, не в трехмерном пространстве, как было с момента зарождения военной авиации, а в четырехмерном, где психика воюющих народов является четвертым измерением» [1].

2. Статус и содержание методологической позиции неклассического (синергического) оператора по отношению к самоорганизующейся критичности («извне-и-сверху») можно представить также в виде формулы: факт выше суждения, тенденция выше факта.

Источник

1. Месснер Е. Мятеж — имя Третьей Всемирной. Буэнос-Айрес, 1960.

Hybrid Warfare. The Armed Conflicts Shape and Palette in the XXI Century

Alexander Neklessa

The concept of the "hybrid warfare" has become relevant and quite popular after the Crimea joining to Russia, military operations in the Donbass and growing turbulence associated with the Islamic state phenomenon. These events have substantially influenced the concept of modern warfare, security strategy, combining tools from the conventional, guerrilla, cyber and information warfare arsenals. The report was presented at the special event "Hybrid warfare. The armed conflicts shape and palette in the XXI century" within the XXV Economic Forum in Poland.

Keywords: hybrid warfare, security, military theory, strategy, conflicts, crisis, black swans, management, self-organization, complex world, analytics, the future.